

МИР — ЭТО ТЕАТР? НЕТ, ЭТО ДЕТСКАЯ!

«Кукольный дом» финского театра в «Современнике»

Мозаика 2003. — 1994. — 11 февр. — с. 7.

Витас Силюнас

Гастроли

«КУКОЛЬНЫЙ ДОМ» Ибсена — пьесу одного из наиболее жестких драматургов — в финском театре «Эспоо» поставила женщина Тхюти Ойттинен. Спектакль сделан с такой бережностью и тщательностью, с какой пеленают ребенка, вышивают или плетут кружева — петля за петлей, стежок за стежком. Текст спектакля, идущего на мелодичном и непонятном москвичам языке, вычерчен на игровой площадке каллиграфическим почерком, разве только князь Мышкин мог так писать: «Игумен Пафнутий руку приложил». Выстраиваются цепочки действий мелкой, но очень крепкой чеканки — посередине комнаты, по четырем стенам которой сидят зрители, а над головами их возвышаются дорожки черных помостов, служанки — старшая броская и статная Анна-Мария (Кайя Кяркинен) в зеленом, и младшая, миловидная поленькая Хелена (Каролина Франк) в черном — в белых фартуках энергично моют полы, скоро накрывают стол скатертью, кладут на него приборы. Рыжеволосая, похожая на точеную статуэтку маленькая хозяйка большого дома Нора (Сусанна Хаависто) не покладая рук возится с детьми — двумя мальчиками 7—8 лет и совсем маленькой девочкой — готовит им рождественские подарки, грызет орехи, пересчитывает деньги... Название «Кукольный дом» здесь лишено малейшей ироничности; кукольный дом —

это детская, средоточие настоящего домашнего очага, в котором всегда должно быть тепло и уютно, и потому — это средоточие мира. Хлопоты, происходящие вприпрыжку к публике, словно поданные крупным планом, обретают особую поэтическую значимость — так неустанно ткется ткань жизни, и в этом-то заключается важнейшее женское дело. В удивительной достоверности спектакля начинает ощущаться подспудный образный смысл, хотя, казалось бы, театр озабочен одной непогрешимой всамделишностью. Но всамделишность бывает разная — шокирующая, пугающая, мало ли еще какая. У финнов подлинность предстает веселой и легкой, как дробный бодрый перестук каблучков Анны-Марии и Норы по полу. И еще — это вкусная подлинность — тут катают плотное тесто, лепят пирожки и приносят их подрумяненными из печки. Все настоящее — и дети, и вода на полу, и икра, и варенье на столе — никаких обозначений, «если бы» и подобий. Лишь Хельмер (Ээро Сааринен), добродушный, цветущий крепкий блондин с пышными белокурыми волосами, падающими на черный, еле застегивающийся на мощном торсе шюртук, обозначит сексуальный акт, содрав скатерть и уложив Нору на стол, — это, как водится, имитация, и четвертого ребенка пока ждать не приходится. Но имитация даже у Хельмера, важно шествовавшего по помостам с цилиндром на голове и пухлой папкой в руках, сходит за любовную игру — играют себе дети, у всех приподнятое настроение, а свисающее над комнатой

множество разноцветных, ласкающих глаз шариков, конфет и сердечек переключается со всеобщим возбуждением.

Два северных богатыря — интеллигентный и непосредственный доктор Ранк (Вилле Виртанен), знающий о своей близкой смерти, и похожий на приличного по-европейски разночинца Нильс Кругстад (Юсси Лампи), шантажирующий Нору, чтобы получить работу у ее мужа, да многодетная вдова, давняя подруга Норы Кристина Линде (Эрья Манто), вносят драматические ноты в это и так всегда чуть тревожное, щемящее и нетерпеливое предчувствие рождественского праздника. Но ноты эти, как и сами герои, негромкие и неброские; в эстетике постановки Ойттинен угадывается своя опасность; у актеров все выстроено так ненавязчиво и подобно, что когда, например, фру Линде, решив позвать руку Кругстаду, неожиданно обнимает его, а затем движением продолговатой кисти отсылает прочь, кажется, что актерам только и надо что выполнять до последних мелочей продуманную режиссерскую программу. В итоге сильных душевных движений здесь не много, хотя все время что-то происходит, и нас завораживает течение домашнего времени, когда под вечер детишек купают на наших глазах в ванной, затем двоих укладывают спать на полу, а третьего — на креслах. Жаль, что Хельмер навеселе и будит малышей...

Психологический взрыв наступает неожиданно в замкнутом интерьере и звучит страшно, как выстрел в маленькой комнате. Уз-

нав, что находящийся в руках Кругстада вексель, под которым Нора, некогда, не ведая в том зла, поставила подпись отца, грозит его карьере, холерный, rispettable-белый Хельмер впадает в постыдную панику и, услышав стук в дверь, прячет Нору, как преступницу, под стульями. Он совершенно теряет лицо: вместо превеликой улыбки видного чиновника появляется жестокий оскал, набросив на голову Норе черную прозрачную шаль, он крутит ее жену, как чучело, в воздухе. Когда же выясняется, что опасность миновала, почтенный директор, чтобы вновь ощутить себя хозяином жизни, по-животному, грубо насилует Нору.

Нора бросает его. Тщетно Хельмер стоит на коленях перед ней и ее чемоданом — и чемодан, и она скроются за дверью. Провинциальной даме, чересчур, пожалуй, любившей нравиться мужчинам и расхаживавшей перед Ранком босиком в распахнутом белом кружевном пеньюаре, хватит твердой решимости на это. Хельмер разорвал узы, не терпящие резких и панических движений. Кажется, что от грубой встряски рухнули стены детской, и чары налаженного быта обернулись холодом разорения, а идиллия семейного праздника с лучшими друзьями — брутальностью распада. Жесткость ибсеновской мысли проступила сквозь тонкие кружева спектакля, но чем неотвратимей они рвутся в финале, тем больше ценим мы и уютные узоры — вязь жизненно необходимых дел и связующих судьбы нитей, захватывающую нас в спектакле финского театра.